Алиса А. Баранникова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Маркирование социальной памяти в городском пространстве: мемориальные доски в формировании культурного ландшафта города

Статья посвящена маркированию социальной памяти в городском пространстве. Автор указывает, что город играет роль фильтра, отделяющего события, которые станут частью исторического нарратива, от событий, преданных забвению. Предлагается новое решение вопроса о носителе памяти в городском пространстве, альтернативное подходам Фердинанда Тенниса и Чикагской школы. Указанную функцию может выполнять само пространство города. Автор показывает, как память материализуется в городе и преобразует его. В данной перспективе коммеморативные практики в городском пространстве оказываются представлены названиями улиц, топонимикой города, памятниками, домами-музеями, мемориальными досками, памятными знаками. Объектом исследования служат мемориальные доски. В рамках исследования был собран максимально полный массив данных, в который вошли все доски, установленные на территории Москвы в период с 1914 по 2014 г. Систематизирована информация, зафиксированная на досках, в том числе биографические данные меморализируемых лиц, географические привязки, проанализировано их пространственно-временное распределение. Полученные выводы позволяют говорить о мемориальных досках как об эффективном индикаторе взаимосвязи памяти городского сообщества и физической среды города.

Ключевые слова: коллективная память, репрезентация памяти, мемориализация, мемориальные доски, развитие города, коммеморация

Баранникова Алиса Анатольевна — кафедра теоретической социологии и эпистемологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), аспирантка. Научные интересы: memory studies, trauma studies, социология памяти, социология истории. E-mail: wirealice@gmail.com
Alisa Barannikova — a postgraduate student at School of public policy Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: memory studies, trauma studies, sociology of memory, sociology of history. E-mail: wirealice@gmail.com

Социология власти
Том 29
№ 1 (2017)

Alisa A. Barannikova, RANEPA, Moscow, Russia
Allocation of Social Memory in the Urban Space: Memorial Plaques in the Formation of the Cultural Landscape of the City

It serves as the filter that separates memory, which will become part of the historical narrative from that which will be forgotten. The question arises, who or what stores this memory. The social space of the city can be filled with townspeople (Ferdinand Tönnies), or with communities (the Chicago school), but any of these actors can't stores the whole aggregate of collective memory. Such a custodian becomes the physical space of the city — its walls, streets, names, structure, commemorative practices. Memory materialises in the city, forming its structure, filling the streets with meanings, creating the mythology of the city and its uniqueness.

Commemorative practices in the urban space are represented by street names, toponymy of the city, monuments, museum houses, memorial plaques, memorable signs. The plaques that chosen as the material of analysis in the presented study are the most uniformly distributed material memory trace and carry a strictly regulated set of data. In this work, a complete set of data was collected, which included all memorial plaques installed on the territory of Moscow between 1914 and 2014. The information recorded on them was systematised, including the biographical data of memorialised individuals, geographic references, their spatial-temporal distribution was analysed. The conclusions allow us to talk about plaques as an effective indicator of the relationship between the memory space of the urban community and the city in its physical manifestation.

Keywords: collective memory, representation of the memory, memorialisation, memorial plaques, city development, commemoration.

doi: 10.22394/2074-0492-2017-1-156-175

Субъект коллективной памяти

Прежде чем приступить к анализу физических носителей памяти в современном городе, нужно определить, кто является коллективным субъектом памяти в городских условиях и выступает инициатором ее материализации.

Фердинанд Теннис, один из первых теоретиков социологии города, ввел различение между двумя типами формирования коллективного субъекта и связал их с разными типами расселения. Традиционная община (Gemeinschaft), соответствующая сельскому образу жизни, строится на родственных отношениях и устоях, тогда как люди, живущие в городе, являются частью общества (Gesellschaft). Связь членов общины нерациональна в силу своей естественности, связь горожан строится на осознанной и взаимовыгодной коммуникации. Именно поле коммуникации становится

тем, что объединяет индивидуумов и формирует коллективного субъекта — хранителя памяти города.

Город Тенниса — это место, где люди вынуждены жить в первую очередь по экономической необходимости. «Всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь (как мы находим) понимается как жизнь в общине. Общество же — это публичность, мир. В общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях. В общество же мы отправляемся как на чужбину» [Теннис, 2002, с. 9].

Теннис рассматривает жизнь человека в коллективе как путь от его органического состояния к осознанному социальному. Память понимается «как принцип ментальной жизни и тем самым как *специфический* признак сущностной воли человека <...> с точки зрения изначального тождества сущностной воли с органической жизнью в целом вполне позволительно будет также сказать, что собственная природа воли вообще наиболее отчетливо раскрывается как память или как связь идей (ибо в качестве таковых ощущения или фрагменты опыта достигают сравнительно обособленного существования)» [Там же, с. 147].

Память позволяет осознать и сохранить отношения вне кровного родства на расстоянии: «<...> родственная воля и дух вовсе не привязаны к пределам своего дома и ближайшим окраинам; напротив, там, где они сильны и живы, т. е. в наиболее близких и тесных связях, они могут поддерживаться сами собой, питаясь одной лишь памятью, при какой угодно отдаленности сохраняя и вызывая в воображении ощущение близости к общности и соучастия в ее делах» [Там же, с. 25]. Память у Тенниса остается индивидуальным качеством, и ее корни лежат в общине, не становясь частью городской жизни. Можно предположить, что это происходит потому, что горожан связывают исключительно рациональные отношения.

Могут ли в условиях города возникнуть объединения иной природы? По версии Чикагской школы, таким иным типом объединений являются городские сообщества. Насколько бы рациональны не были мотивы горожан, полная дискретность социальной ткани города невозможна. В силу природы человеку свойственно искать единомышленников и врагов. Этот поиск приводит к сближению с одними и отдалению от других, нарушая равномерное распределение. Формирующиеся сообщества не становятся основанием дополнительной или новой системы социальной стратификации, потому что не опираются на закрепленный свод правил и законов. «В агрегате, члены которого обладают столь разнородным происхождением и столь разными качествами, узы родства и соседства, а также чувства, порождаемые совместной жизнью на протяжении многих поколений в условиях общей народной традиции, скорее

всего будут отсутствовать либо, в лучшем случае, будут относительно слабыми. В таких условиях место уз солидарности, на которых держится единение народного общества, занимают механизмы конкуренции и формального контроля» [Вирт, 2005, с. 95].

Роберт Парк [2002, с. 14] формулирует еще одно из возможных описаний сообщества: «собрание людей, занимающих более или менее четкую область». Такое объединение не является жесткой и неизменяемой структурой. И если взять частный случай — сообщество памяти, то оно оказывается состоящим из тех, кто так или иначе оказался вовлеченным в исторический процесс как непосредственный участник или попал в шлейф его последствий. Это дискретное, рассредоточенное сообщество, определяемое как единство только через причастность к событию, которую определяет необходимость осмыслять его последствия и применять опыт, полученный в результате. Говоря о сообществе памяти, мы говорим о пересобираемых связях, которые наслаиваются друг на друга и смешиваются.

Множество вариантов памяти составляют совокупный исторический нарратив. Его создание становится необходимостью, потому что «идентичность нации, народа или социального института находится в их прошлом, и, если мы хотим постичь их идентичность, нам следует прежде всего написать их истории» [Анкерсмит, 2007, с. 435]. Трансформация коллективной памяти в исторический опыт, о которой говорит Франклин Анкерсмит, является залогом осознания обществом своих границ и самого себя. Создание определенной картины истории в интересах власти: «Политику приходится браться за дело там, где останавливается историк, а его деятельность в той или иной степени должна быть логическим продолжением того, что написал историк о прошлом нации» [Там же, с. 436]. Но эту задачу на себя могут взять и другие социальные институты, и малые сообщества активистов, для которых это также актуально, как и для государства: «<...> чем больше мы узнаем о нашем индивидуальном или коллективном прошлом, тем это будет лучше для нас. Ведь чем лучше мы будем знать прошлое, тем яснее станут для нас контуры нашей идентичности и тем более адекватными могут стать наши индивидуальные и коллективные действия» [Там же, с. 436]. Но что позволяет превратить память о событии в часть истории?

Как правило, фиксации в истории удостаиваются масштабные перемены, в частности те, которые Джеффри Александер называет предельными историческими событиями, связывая их с понятием коллективной травмы. Событие может быть квалифицировано обществом как травма вне зависимости от его изначальной значимости: «события не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при

посредстве общества. <...> Статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической вредности или объективной резкости, но благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» [Александер, 2012, с. 16].

Зачастую именно такие предельные события становятся ключевыми точками господствующего исторического нарратива, под влиянием которых «коллективная идентичность подвергается пересмотру. Пересмотр идентичности означает, что будет иметь место пытливое повторное вспоминание коллективного прошлого, ведь память не только социальна и обладает текучестью, она еще и глубинно связана с ощущением „Я“ в настоящем» [Там же, с. 32]. Процесс пересмотра — или рутинизации — подразумевает осознание события, постепенное отделение эмоциональной составляющей, наступление «периода „успокоения“, в ходе которого аффекты и переживания делаются менее бурными, а сосредоточенность на сакральном и осквернённом ослабевает. Харизма превращается в рутину» [Там же, с. 32].

Возвращаясь к разговору о городе и необходимости определения субъекта, являющегося хранителем коллективной памяти, мы понимаем, что память невозможно локализовать однозначно. Память города нельзя рассматривать как цельную структуру, подлежащую объективной репрезентации.Память сама по себе является частью социальной ткани города и ресур сом производства социальных практик. Пьер Бурдье, говоря о структуре социального пространства, постулирует, что «объекты социального мира <...> могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они содержат всегда часть недетерминированности и неясности и, в то же время, некоторую степень семантической растяжимости <...>. Этот объективный элемент неопределенности, который часто усиливается эффектом категоризации — одно и то же слово может покрывать различные практики, — дает основание для множественности воззрений на мир, которая в свою очередь связана со множественностью точек зрения, и одновременно для символической борьбы за власть производить и навязывать легитимное видение мира» [Бурдье, 1994, с. 197]. Рутинизация травмирующего события является практикой, в которую вовлечена память.

Если говорить о физическом пространстве города, то рутинизацией события окажется закрепление предмета памятования в виде топонима, памятного знака, мемориальной доски и др. Механизм, в соответствии с которым происходит отбор памятных событий и персоналий, будет определяться взаимодействием между различными социальными агентами. В их роли могут выступать как социальные институты, сообщества, так и индивидуумы.

С течением времени в городе меняется не только уровень смыслов, к которому принадлежит овеществленная память, но и физические параметры города, в том числе его границы. Трансформация физического пространства города характеризует его как пространство репрезентации процессов социального взаимодействия. Для анализа этих изменений необходим метод количественной оценки. В качестве объекта учета могут выступать различные типы памятников. Они дают возможность проследить динамику взаимодействия физической структуры города и его культурного и социального наполнения.

Исследование: мемориальные доски

Цель исследования — установить взаимосвязь между развитием коллективной памяти и физическим пространством города. Для этого необходимо определить объект, который позволил бы проследить процесс материализации памяти и в то же время был бы достаточно дискретно распределен в городском пространстве. Из всех инструментов мемориализации, используемых на территории Москвы, именно мемориальные доски больше всего подходят на эту роль, так как обладают двумя важными свойствами: дискретностью распределения в городе и однотипным набором зафиксированной информации. Кроме того, использование мемориальных досок на протяжении как минимум ста лет позволяет увидеть «моментальный снимок»[1] актуальной истории на тот или иной момент времени и проследить характер изменения принципов мемориализации. Сопоставление пространственно-временной информации, которую несут мемориальные доски, позволят увидеть, как нематериальная коллективная память становится овеществленной историей, проходя на этом пути многократную фильтрацию.

Практика установки мемориальных досок регулируется на муниципальном или региональном уровне. В Москве общий порядок согласования установки мемориальной доски прописывается в Постановлении Правительства Москвы[2]. Согласно этому документу, критериями для установки мемориальных досок являются:

1 В контексте «моментальный» означает короткий исторический период в 5-10 лет, что связано с временным зазором, проходящим между смертью мемориализируемой персоналии и установкой доски.

2 На момент проведения исследования действовало Постановление Правительства Москвы № 1287-ПП от 1 декабря 2009 года «Об утверждении Положения о порядке установки в городе Москве мемориальных досок» (http://mosopen.ru/document/1287_pp_2009-12-01#related_docs).

- значимость события в истории Москвы;
- наличие официально признанных достижений личности в государственной, общественной, политической, военной, производственной и хозяйственной деятельности, в науке, технике, литературе, искусстве, культуре и спорте;
- подтверждение историко-архивными и наградными документами заслуг личности перед городом и Отечеством в определенной сфере деятельности;
- долговременное постоянное проживание и работа увековечиваемой личности в Москве;
- решение об установке мемориальной доски рассматривается Комиссией по увековечению памяти выдающихся событий и деятелей отечественной истории и культуры[1]. Решение Комиссии принимается прямым открытым голосованием и считается действительным только после утверждения первым заместителем мэра города Москвы.

Несмотря на то, что некоторые параметры согласования менялись с течением времени[2], принципиальная схема оставалась неиз-

1 Состав комиссии назначается Департаментом культуры города Москвы из состава структур Правительства Москвы. В состав Комиссии могут войти представители Департамента культуры города Москвы, Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы, Комитета общественных связей города Москвы, Комитета по культурному наследию города Москвы, Министерства культуры Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Российской академии наук, Российской академии художеств, московских творческих союзов художников, Союза архитекторов Москвы, Государственного учреждения культуры города Москвы «Музейное объединение „Музей Москвы“». Согласно Постановлению, Комиссию должен возглавлять руководитель Департамента культуры города Москвы, но на сегодняшний день ее деятельностью руководит первый заместитель мэра города Москвы.

2 На рассмотрение принимаются только ходатайства от государственных организаций, общественных объединений и юридических лиц. Любая инициатива должна быть передана в организацию, в компетенцию которой входит сфера деятельности человека, в чью память устанавливается мемориальная доска. Такая специфика приводит к неравномерному распределению количества мемориальных досок, установленных в память представителям различных профессиональных сообществ. До того, как ходатайство подается на рассмотрение Комиссией, оно должно быть согласовано с префектурой округа, на территории которого планируется установка памятной доски.

Принятие решения относительно внешнего вида мемориальной доски, а также остальной контроль над ее реализацией выполняется Департаментом культуры города Москвы. Актуальная на сегодняшний день версия документа устанавливает минимальный временной промежуток от увековечиваемого события или от смерти персоналии, в память которой уста-

менной: заявка, ее обоснование, комиссии, официальные решения, проектирование и реализация, торжественное открытие и последующий учет. Это обстоятельство позволяет рассматривать мемориальные доски как стабильный и объективный инструмент, показывающий, как память получает возможность материализации через взаимодействие с официальной властью.

Формирование массива данных

Согласно упомянутому постановлению, контроль и учет мемориальных досок на территории Москвы осуществляется Музеем Москвы. Именно специфика сбора и обновления базы данных определила территориальные и временные границы исследования. Перечень, сформированный еще в советское время, регулярно актуализируется, цикл актуализации — 5 лет. В него входят мемориальные доски, обнаруживаемые визуально в общедоступных местах, или же информация о которых была специально предоставлена в музей.

навливается памятная доска, до непосредственной установки доски не менее десяти лет.

В случае особого ходатайства Комиссии этот срок может сократиться до двух лет. При этом «на лиц, удостоенных звания Героя Советского Союза, Героя Российской Федерации, Героя Социалистического Труда, полных кавалеров ордена Славы, полных кавалеров ордена «За заслуги перед Отечеством», полных кавалеров ордена Трудовой Славы, а также лиц, удостоенных звания «Почетный гражданин города Москвы» и лауреатов премии Правительства Москвы «Легенда века» ограничения по срокам установки, не распространяются».

Постановление, которое действовало в период с 1999 до 2009 г., устанавливало вдвое меньший срок — пять лет. Таким образом, можно предположить, что в различные временные периоды мемориальные доски устанавливались с различной дельтой между датами мемориализируемого события и самой установкой. Постановление №1287-ПП также регулирует количество досок, установленных в память одного человека или исторического события — в границах Москвы может быть установлена только одна доска в память одному человеку, за исключением особых случаев, в которых мэр Москвы специальным решением утверждает иное.

В этот этап входит рассмотрение проектов на Художественно-экспертном совете по скульптуре, монументальному и декоративному искусству при Департаменте культуры города Москвы, их согласование, принятие решений относительно мест установки мемориальных досок с Комитетом по архитектуре и градостроительству города Москвы. В случае установки мемориальных досок на объектах культурного наследия решение должно быть согласовано с Комитетом по культурному наследию города Москвы. Вопросы изготовления, непосредственной установки и проведения церемоний торжественного открытия также координируются Департаментом культуры города Москвы.

Более 90% мемориальных досок в списке установлены в советский период. Число памятных знаков, появившихся до революции, незначительно, и возникают сомнения в полноте данных за пределами временного промежутка 1917–2014[1] гг. Территориальные границы исследования соответствуют административным границам Москвы до присоединения территории Новой Москвы[2], так как на момент проведения исследования эта территория не была включена в пятилетний цикл актуализации перечня, а муниципальные образования Московской области не реализуют централизованную практику такого учета.

В качестве контрольного массива данных взята база[3] проекта «Последний адрес»[4]. При установке данного типа памятных знаков применяются критерии, отличные от критериев установки мемориальных досок. Декларируемая цель проекта звучит как «развитие общественной инициативы для увековечения памяти жителей наших городов, ставших жертвами политических репрессий и государственного произвола в годы советской власти». Для выполнения этой задачи разработан единый дизайн памятных знаков (они не именуются мемориальными досками, их формальное название — технический информационный элемент), устанавливаемых по последнему прижизненному адресу человека.

Важное принципиальное отличие концепции проекта от традиционной практики мемориализации состоит в том, что в случае мемориальных досок всегда можно сказать, кем был тот или иной человек и какое его деяние признано ценным. В случае же с «последним» адресом ответ на вопрос «кто?» представляется невозможным. На знаках зафиксирована основная биографическая информация: имя, год рождения, род занятий, дата ареста и смерти, не более того. Второе важное отличие — установка памятных знаков проекта не подлежи регулированию. Инициатор установки каждого знака — конкретный человек или группа людей, и она согласовывается только с субъектом, владеющим правами на здание: правление ТСЖ, дирекция предприятия. Памятные знаки проекта не проходят через систему бюрократической и социальной фильтрации. Основанием включения данных проекта в исследование было предположение, что принципиально иная концепция — не выдающиеся личности, а рядовые жертвы — даст иные пространственные и временные

1 Верхняя граница определена годом проведения исследования: 2014–2015 гг.

2 Имеется в виду территория Москвы в границах до 2011 г.

3 В состоянии, актуальном на начало 2015 г. (404 памятных знака).

4 Проект «Последний адрес» (http://www.poslednyadres.ru/about/).

распределения, что докажет неслучайность выводов, полученных из анализа основного массива данных.

С учетом принятых ограничений в исследуемый перечень вошли 3069 мемориальных досок, для их классификации выделены критерии, отличные от критериев, прописанных в Постановлении Правительства Москвы: координаты места установки, время установки, информация о мемориализируемой персоне (профессиональная принадлежность и биографические данные).

Методология: визуализация и анализ

Первый этап исследования состоял из кластеризации всего массива данных. Основным атрибутом стала профессиональная принадлежность мемориализируемых персоналий, и на основании этого признака были сформированы 12 групп, памятные знаки проекта «Последний адрес» выделены в контрольную, 13-ю группу.

Табл.1. Социопрофесиональная кластеризация
Table 1. Socio-professional clusterisation

	Число МД
Спортсмены и тренеры (в том числе шахматисты)	17
Путешественники, первооткрыватели, космонавта и летчики-испытатели, люди, профессионально рискующие жизнью ради достижения новых рубежей	57
«Простые люди»: объединяет тех, кто удостоился мемориализации только в силу обстоятельств своей гибели: революционеры, рабочие фабрик и заводов, участники уличных боев, погибшие при исполнении милиционеры, партизаны и комсомольцы, жертвы терактов	75
Мемориальные доски, посвященные В.И. Ленину	98
Практикующие медики и профессора медицины	100
Архитекторы, художники и скульпторы	170
Поэты и писатели	199

	Число МД
Актеры театра и кино, музыканты и композиторы, режиссеры, сценаристы, театральные деятели, а также операторы	263
Общественные и политические деятели	280
Профессиональные кадровые военные, а также погибшие в афганской и чеченской кампаниях	299
Кадровые военные, погибшие в боях Великой Отечественной войны	319
Памятные знаки проекта «Последний адрес»	404
Ученые, без разделения на области науки	781

Неравномерность распределения вызвана спецификой выделенных социопрофессиональных групп, их внутренней структурой и связями, которые выстраиваются внутри того или иного сообщества. Подробный анализ причин этой неравномерности не входил в задачи исследования[1].

Каждая из групп обладает своими качественными и количественными характеристиками и, как показало картирование, имеет характерный для каждой категории паттерн распределения в городском пространстве. Основным материалом для анализа стали пространственные данные: место установки мемориальной доски (адрес или географические координаты) и удаленность места

1 Но некоторые предположения тем не менее были сделаны. Так, архитекторы, художники, писатели, актеры — это достаточно тесные и сплоченные сообщества с сильной внутренней сегрегацией. Эти группы изначально не очень велики, а увековечивания удостаивается еще меньшая часть. Совсем другие традиции сложились в научном сообществе: в этой среде принято устанавливать мемориальные доски в память о каждом значимом члене сообщества. Наименьшая группа — спортсмены — состоит всего из 17 участников, так как в этой области, где задействовано множество участников, мемориализации удостаиваются только легендарные и заслуженные мастера национального уровня, например, Анатолий Харлампиев и Михаил Ботвинник.

установки мемориальной доски от центра[1]; временные: год установки мемориальной доски или присвоения имени улице (при одновременной установке памятного знака) и годы жизни мемориализируемой персоналии (и вычисленный из этих данных возраст на момент смерти); биографические данные: имя и профессиональная или социокультурная принадлежность мемориализируемой персоналии.

Табл. 2. Плотность распределения мемориальных досок
Table 2. Frequency distribution of commemorative tablets

Округ	Число МД	Площадь округа, кв. км	Плотность распределения МД
Центральный	1440	66	21,8
Восточный	147	154	1,0
Юго-Восточный	135	117	1,1
Южный	131	131	1,0
Юго-Западный	108	111	1,0
Западный	124	153	0,8
Северо-Западный	59	93	0,6
Северный	232	113	2,0
Северо-Восточный	97	101	1,0
Зеленоградский	17	37	0,5

Выявленная неравномерность распределения — плотность в ЦАО в 40–20 раз выше, чем в других районах Москвы — прямое следствие стремительного роста Москвы во второй половине XX века. Периферия, формально ставшая официальной территорией Москвы, в реальности построена на пустом месте, а деревни и села,

1 За центральную точку был принят нулевой километр. Формула, взятая для расчета расстояния (http://gis-lab.info/qa/great-circles.html).

существовавшие на этой территории, были либо уничтожены, либо агрессивно интегрированы в растущий город [Трофимов, 1972, с. 58]. В границы города включена территория, где жили общины со свойственной ей структурой традиционной памяти, которая не выходила за границы сообщества. Поглотив их, город занял территорию, лишенную памяти. На этом пространстве есть только три потенциально мемориализируемые группы: владельцы усадеб, находившихся в собственности до революции; те, кто строил Москву в 1950–60-х годы (архитекторы, инженеры, строители), и те, кто в итоге поселился в этих районах (исторически значимые персоны второй половины XX века). Первая категория, представители дворянского класса, редко удостаивалась мемориализации. Третья только сейчас начинает осознаваться обществом и входить в поле коммеморации.

Уже на этапе визуального анализа графиков, построенных на основании этих данных, выявляются закономерности и в пространственном слое, касающиеся распределения мемориальных досок на карте города, и во временном слое, показывающие возрастание числа мемориальных досок.

Совокупный массив информации показывает наивысший пик мемориализации среди людей, умерших в возрасте 60–80 лет. Но если рассмотреть отдельно группы погибших во время Великой Отечественной войны или в результате других трагических событий («простые люди»), эта тенденция не выдерживается. Очевидно, в одних случаях основанием для мемориализации служа творчетские, спортивные или политические достижения, но также есть случаи, когда именно ценность жизни и условия ее утраты становятся поводом для мемориализации человека. Личная травма человека, являясь частью предельного исторического события, становится частью истории.

Наибольшее число мемориальных досок устанавливается в течение 1–5 лет после смерти мемориализируемой персоналии, и это не зависит от профессиональной принадлежности. Это противоречит актуальной версии нормирующих актов, несмотря на то, что в разные годы действовали различные регламенты[1], этот период никогда не был менее 5 лет. Основные пики на большем удалении

1 На сегодняшний день промежуток между смертью человека и возможным началом процесса мемориализации его имени составляет минимум 10 лет, а для героев СССР — 5 лет: Постановление Правительства Москвы № 1287-ПП от 1 декабря 2009 года «Об утверждении Положения о порядке установки в городе Москве мемориальных досок» (http://mosopen.ru/document/1287_pp_2009-12-01#related_docs).

от даты смерти приходятся в юбилейные годы — 50 и 100 лет, а также на отметках 16–19, 25 и 29 лет.

Первый пик соответствует и первой волне массовой мемориализации Великой Отечественной войны, пришедшейся на середину 1960-х, второй пик — следующему военному юбилею (25 лет Победы в 1970 году).

Несоответствие временного промежутка между годом смерти и годом мемориализации частично оправдывается тем, что в любых нормирующих актах всегда прописаны исключения, которые позволяют не выдерживать паузу. К таким исключениям относятся случаи мемориализации людей, которые оказались причастны к наиболее значимым историческим событиям. К ним относятся герои Советского Союза и равные им, ученые, совершившие важнейшие открытия, а также жертвы громких терактов и трагедий. Принадлежность к *предельному историческому событию* — тому, что Джеффри Александер трактует как *травма,* — становится одной из предпосылок к посмертному включению в исторический нарратив.

Пространственно-временное распределение

На этапе картирования стали очевидны характеры распределения в разных группах. Первое различение касается равномерности распределения. К первому типу относятся мемориальные доски, установленные в честь представителей творческих и зрелищных профессий — архитекторы, художники, режиссеры и актеры театра и кино, спортсмены, поэты и писатели — наивысшая концентрация наблюдается в центре города. Второй тип — политики и общественные деятели — сохраняет концентрацию на территории ЦАО, в исторической части города, но сильнее рассредоточены. Доски, установленные в память о погибших в Великой Отечественной войне, в память о кадровых военных, милиционеров, погибших при исполнении, и гражданских, ставших жертвой случайности, а также путешественников и первооткрывателей, не имеют ярко выраженной концентрации в центре, а, наоборот, рассредоточены по другим округам. Отдельно стоит отметить мемориальные доски, установленные в память об ученых и медиках, — они имеют четко различаемые места концентрации, но это не центр, а больницы, университеты, кампусы.

Пространственно-временное распределение всего массива данных (рис. 1) показывает территориальный рост Москвы с течением времени и выявляет пояса концентрации материализованной памяти: центр Москвы, Бульварное и Садовое кольца.

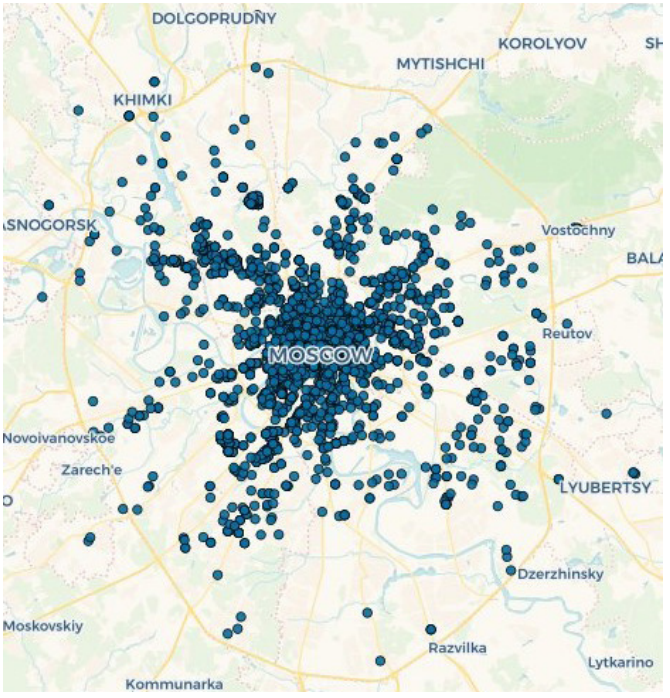

Рис. 1. Мемориальные доски на карте города /
Fig. 1. Commemorative tablets on the city map

Различные для разных групп типы распределения, отмечаемые на картах, также прослеживаются на картах и графиках, составленных на основе собранных данных. Отдельно отметим, что на графиках виден резкий скачок числа мемориальных досок после 1955 года.

Материализованная память — часть исторического нарратива

Визуализация данных уже на начальном этапе анализа выявила ряд закономерностей. Контрольная группа — база данных проекта «Последний адрес» — дала несистематизируемый результат. Единственной явной тенденцией можно назвать предельную концентрацию в центральной части города, то есть на территории Москвы по состоянию на 1930-е годы. В пределах этой территории информационные знаки распределены равномерно, и их размещение носит случайный характер. Это доказывает, что официальные критерии, регулирующие установку мемориальных досок, выполняют роль фильтра, который превращает массу людей, так или иначе являвшихся участниками *предельных исторических событий*, в инструмент оценки и анализа городской среды.

Систематизируя результаты визуального анализа пространственно-временных данных (рис. 2), можно сформулировать следующие выводы:

- самая высокая плотность установки мемориальных досок наблюдается на территории Москвы в границах, существовавших до 1935 г.;
- если проводить ранжирование в границах исторического центра, то плотность мемориальных досок выше в окрестностях Тверской и Лубянки, значительно ниже в Замоскворечье и в районах, прилегающих к Яузе;
- поквартальный анализ выявил пространства, лишенные памяти в рассматриваемом в исследовании виде — в них не установлено ни одной мемориальной доски;
- плотность упоминания имен ученых выше в университетских кампусах МГУ, МАИ, САДИ, Тимирязевской академии, Академии им. Баумана, что связано со сложившейся в академической среде традицией мемориализиции на месте работы, а не в месте жизни;
- несмотря на высокую плотность мемориальных досок на территории в пределах Садового кольца, больше освоен сектор между юго-западом и северо-западом. От Садового кольца в сторону ТТК плотность установки мемориальных досок снижается, но при этом на территории между Садовым кольцом и ТТК плотность выше на юге и юго-востоке.

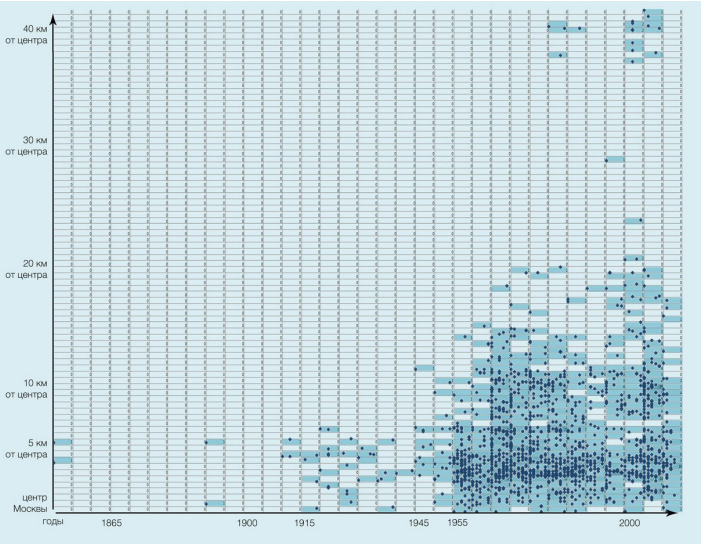

Рис. 2. Пространственно-временное распределение /
Fig. 2. Space-time distribution

По итогам пространственного анализа сформированы основные группы типичных паттернов распределения: высокая степень концентрации, распределенные с выраженным центром, дисперсные. К первой группе принадлежат люди, ставшие известными благодаря участию в частных культурных процессах: ученые, архитекторы, художники и скульпторы, музыканты и композиторы, спортсмены, писатели и поэты, актеры, режиссеры театра и кино. Ко второй относятся персоналии, связанные по роду своей деятельности с крупными общественно-историческими процессами, то есть политики и общественные деятели. Дискретность распределения мемориальных досок, на которых увековечены погибшие в Великой Отечественной войне, уравнивает эту группу с группой «простые люди», в которой объединены те, кто мемориализирован в силу обстоятельств гибели: революционеры, партизаны, спасатели. При этом обе эти категории, не будучи сконцентрированы в пространстве, обладают временными привязками. Категории, причисленные к той или иной группе, обладают сходствами также и по другим темпоральным характеристикам. Так, для первой и третьей групп возраст является случайной величиной, во второй группе четко прослеживается тенденция смерти после 60 лет и позднее.

Мемориальные доски — наиболее щадящий механизм фиксации памяти в городском пространстве. Они не требуют специального пространства, не становятся объектом, производящим дополнительные смыслы, кроме информационных. Мемориальные доски в силу лаконичности практически не способны усиливать эмоциональный шлейф исторического события. Но их внешняя простота компенсируется числом норм и требований, сопровождающих установку. Эти нормы призваны служить фильтром на пути бесконтрольной мемориализации, механизмом снижения силы аффекта, который описывается Александером. Наш массив данных показывает, что этот фильтр часто не срабатывает и значительная часть мемориальных досок устанавливается в первые три года после смерти (рис. 2). Это наблюдение подвергает сомнению целесообразность действующего постановления и срока в 10 лет, так как на практике по прошествии этого срока вероятность увековечивания памяти снижается на порядок. Фильтрация не происходит именно из-за того, что в большинстве случаев для преодоления этой преграды задействуется легальный или нелегальный административный ресурс, или же мемориализация происходит по исключительным поводам.

Сбой этого механизма может привести к выпадению из процесса мемориализации тех, чья роль в историческом процессе достаточно значительна для того, чтобы память о них была зафиксирована, в силу бюрократических причин. Это в свою очередь приводит

к выпадению этих людей и событий, к которым они причастны, из слоя рутинизированной памяти. Анкерсмит, рассуждая о типах забвения и травмы, говорит о том, что самый опасный тип травмы возникает, когда от травмы, нанесенной событием, невозможно избавиться, потому что «она постоянно и непрерывно сохраняет свое присутствие. <...> Вызывающие его исторические преобразования всегда сопровождаются ощущениями тяжелой и невосполнимой потери, упадка культуры и безнадежной дезориентации. В этом смысле такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими» [Анкерсмит, 2007, с. 442]. В такой ситуации физическая мемориализация становится инструментом, который позволяет вынести травмирующую память на периферию коллективного сознания. Новый объект может вызвать общественную дискуссию, возмущение, а может остаться незамеченным, но в любом случае это позволяет превратить травму в отложенное воспоминание. Процесс закрепления памяти длителен, и стремительный рост территории Москвы в XX веке привел к тому, что культурные границы города не успевают за географическими, что привело к смысловой бедности новых территорий. Постепенно они осмысляются и встраиваются в культурный образ Москвы [Снопек, 2014, с. 5], но это очень медленный процесс.

Физическое пространство города получает новый потенциал с появлением мемориальных досок, материализованной памяти. Мемориальные доски в память о писателях и архитекторах, об ученых и политиках считываются в пространстве города как памятники. Имена увековеченных на них людей, как правило, уже известны наблюдателю до того, как произошло считывание мемориальной доски. Более того, фланер ожидает увидеть мемориальные доски именно на этих улицах. Но подобного предвкушения не возникает в случае с досками в память о случайно погибших в каком-либо месте или о военном, который жил в этом доме.

Механизм отбора персоналий, подпадающих под мемориализацию, часто носит непредсказуемый характер, и, как правило, изначальная инициатива принадлежит *говорящему*[1] сообществу. В результате мемориальные доски становятся пеной в омуте коллективной памяти, полу-маргинальной практикой, тогда как у них есть потенциал для того, чтобы стать рациональным и структурированным инструментом для постепенного изменения идентичности сообщества. Мемориальные доски могут стать ресурсом формирования специфики территории, но это потребует комплексной работы с памятью, осознанного процесса ее рутинизации.

1 В терминологии Дж. Александера.

Возвращаясь к механизму работы с памятью, мы видим, что мемориальные доски, т. е. физические воплощения памяти в теле города проходят через рутинизацию: «процесс травмы, некогда столь яркий, может оказаться предметом технического, иногда препарирующего внимания специалистов, которые удаляют эмоции от смысла. <...> зачастую его приветствуют с чувством облегчения, как на уровне общественности, так и на уровне отдельных лиц» [Александер, 2012, с. 34]. Этот эффект можно воспринимать двояко, в нем есть как положительные, так и отрицательные смыслы. С одной стороны, институционализация уроков истории постепенно приводит к снижению силы переживания, но, с другой, «хотя перестроенная коллективная идентичность больше не является глубоко волнующим явлением, она тем не менее остается основополагающим ресурсом для решения будущих социальных проблем и нарушений в коллективном сознании» [Там же, с. 34].

Нужно ли искусственно развивать социальную практику осмысления памяти в новых районах города, где этот процесс не начался естественным путем? Речь идет не о плановой веерной установке памятных знаков, согласно запланированным количественным показателям. Как любой жизнеспособный процесс в обществе, материализация памяти должна иметь импульс снизу. И вопрос не только в потенциале сравнительно недавно включенных в тело города территорий, но в поиске скрытых изначальных смыслов. На практике это является предварительным этапом программирования территорий, но в России этот запрос не сформирован на государственном уровне, оставаясь инициативой в лучшем случае частного застройщика или управляющего территорией.

Прояснение потенциала памяти территории и разработка метода, который позволил бы определять ее с достаточной степенью вероятности, могли бы стать логичным продолжением представленного исследования.

Библиография

Александер Дж. (2012) Культурная травма и коллективная идентичность. *Социологический журнал,* (3): 5-40.

Анкерсмит Ф. (2007) *Возвышенный исторический опыт,* М.: Европа.

Бурдьё П. (1994) *Начала*, М.: Socio-Logos.

Вирт Л. (2005) Урбанизм как образ жизни. *Избранные работы по социологии*, М.: 93-118.

Парк Р. (2002) Организация сообщества и романтический характер. *Социологическое обозрение*, (3): 13-18.

Снопек К. (2014) *Беляево навсегда: сохранение нематериального наследия,* М.: Strelka Press.

Теннис Ф. (2002) *Общность и общество*, СПб.: Владимир Даль.

Трофимов В.Г. (1972) *Москва. Путеводитель по районам,* М.: Московский рабочий.

References

Alexander J. (2012) Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost'. [Cultural Trauma and Collective Identity] *Sociologicheskiy zhurnal [Journal of Sociology]*, (3): 5-40.

Ankersmit F. (2007) *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [*Sublime Historical experience*], M.: Evropa.

Bourdieu P. (1994) *Nachala* [*Choses dites*], M.: Socio-Logos.

Wirth L. (2005) Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanizm as a way of Life]. *Izbrannye raboty po sociologii*, M.: 93-118.

Park R. (2002) Organizacija soobshhestva i romanticheskij harakter [Community Organization and the Romantic Temper]. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, (3): 13-18.

Snopek K. (2014) *Beljaevo navsegda: sohranenie nematerial'nogo nasledija* [*Belyaevo forever. Preserving the Generic*], M.: Strelka Press.

Tönnies F. (2002) *Obshhnost' i obshhestvo* [*Gemeinschaft und Gesellschaft*], SPb.: Vladimir Dal'.

Trofimov V.G. (1972) *Moskva. Putevoditel' po rajonam*, M.: Moskovskij rabochij.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Баранникова А.А. (2017) Маркирование социальной памяти в городском пространстве: мемориальные доски в формировании культурного ландшафта города. *Социология власти*, 29 (1): 156-175.

Barannikova A.A. (2017) Allocation of Social Memory in the Urban Space: Memorial Plaques in the Formation of the Cultural Landscape of the City. *Sociology of power*, 29 (1): 156-175.